

УДК 373(470.344)"1941/1945"

СОЦИАЛЬНЫЙ И ПАРТИЙНЫЙ СОСТАВ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА ЧУВАШСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

М.А. Широкова

Аннотация

Статья посвящена проблеме изучения сельского учительства Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны. В работе дан обзор источников и литературы по теме, проанализированы такие характеристики педагогических кадров, как численность, половозрастной состав, уровень образования, стаж работы и партийность.

Ключевые слова: сельское учительство, тыл Чувашии, Великая Отечественная война, Чувашская АССР.

В среде современной интеллигенции особую остроту приобрели вопросы самоидентификации, определения своего места и роли в обществе, в связи с чем возрастает интерес исследователей к изучению особенностей развития этой социальной группы. В российской провинции XIX – начала XX в. основной группой сельской интеллигенции традиционно являлись учителя. Такое положение дел не изменилось и с установлением советской власти. В советском обществе сельский учитель пользовался большим авторитетом и играл важную роль в жизни села. Значение деятельности сельской педагогической интеллигенции возросло в экстремальных условиях Великой Отечественной войны. Под *сельским учительством* в данной статье подразумеваются педагоги начальных, неполных средних и средних школ, которые в 1941–1945 гг. работали в сельской местности Чувашской АССР. В настоящей статье мы попытаемся охарактеризовать сельское учительство как одну из групп советской интеллигенции.

Изучаемая тема нашла частичное отражение в ряде научных исследований, среди которых нужно отметить работы Н.И. Иванова, Л.А. Ефимова, Т.С. Сергеева, Н.С. Степанова, В.В. Тимофеева и других ученых (см. [1–9]). Специальных исследований по данной проблеме еще не проводилось. В целом нужно отметить, что основой историографической базы наших изысканий послужили работы общего характера, отражающие историю Чувашии в годы Великой Отечественной войны либо историю становления и развития местной системы образования и чувашской педагогической интеллигенции.

Источниковая база исследования достаточно обширна, однако необходимо отметить ряд ее особенностей. В первую очередь нужно учитывать, что речь идет об источниках советского периода, которым зачастую свойственна излишняя политизированность. Кроме того, статистические данные в тот период

нередко подвергались преднамеренному искажению. Ощущается недостаток источников личного характера, так как приоритет при изучении заявленного периода всегда отдавался воспоминаниям ветеранов о боевых действиях на фронтах войны. В результате в распоряжении исследователя оказывается всего несколько работ подобного рода, а возможности применения методов устной истории не столь обширны вследствие того, что остается все меньше очевидцев событий тех лет.

К первой группе источников относятся нормативно-правовые документы Народного комиссариата просвещения и иных органов управления, регулировавших деятельность учительства в период войны, статистические сборники (см. (I–IV)) и воспоминания современников (см. [10, 11]). Вторая группа источников является более обширной и включает архивные документы ряда фондов РГАЭ, ГИА ЧР, ГАСИ ЧР, ГАП ЧР (см. (V–VII)). Ввиду специфики нашей темы основу данной группы составляют документы архивов Чувашской Республики, так как именно в них содержится основной объем информации о местной сельской интеллигенции, в том числе об учительстве периода Великой Отечественной войны. Прежде всего следует отметить фонды Статистического управления ЧАССР (V, Ф. 872), Президиума Верховного Совета ЧАССР (V, Ф. 1041), Совета министров Чувашской АССР (V, Ф. 203), Чувашского республиканского комитета КП РСФСР (VI, Ф. 1), Чувашской республиканской организации профсоюза работников народного образования и науки РФ (VI, Ф. 2727/1531), Министерства просвещения ЧАССР (V, Ф. 221). Особое внимание было обращено на фонды районных отделов народного образования и отдельных образовательных и воспитательных учреждений. Документы за военный период сохранились только в фондах Ибресинского, Ишлейского, Козловского, Красночетайского, Первомайского, Советского, Сундырского, Урмарского и Яльчикского районных отделов народного образования (V, Ф. 1599, 2240, 2027, 2089, 2030, 2164, 645, 1902, 2161). В отдельную группу источников можно выделить периодические издания времен войны, в частности газеты республиканского и районного масштабов¹.

Наиболее подробные и достоверные сведения о сельском учительстве в 1941–1945 гг. содержатся в фонде Статистического управления ЧАССР, хотя подобные источники и имеют свои недостатки, связанные с качеством сбора и обработки информации. Документы периода войны долгое время хранились под грифом «секретно», однако сейчас исследователям предоставляется возможность работать с некоторыми из них. Если при исследовании различных аспектов деятельности, быта и мировоззрения учительства имеется возможность сравнить данные нескольких групп источников, то при изучении численности, половозрастного состава, уровня образования, стажа работы и партийности поле исследования ограничено рамками лишь статистических данных, причем неполных.

Среди документов фонда Статистического управления ЧАССР сохранились черновые материалы Всесоюзной переписи населения 1937 г., отражающие

¹ См.: «Красная Чувашия», «Самкър большевик», «Чăваш коммуни», «Ленинский путь», «Колхоз хасачё», «Коммунизм ялавё», «Социализм сулëпе», «Колхоз пурăнаçё», «Коммунизмшăн», «Ленин ялавëпе», «Октябрь ялавё», «Коммунизм сулëпе», «Сëнтерү сулë», «Колхозник сасси», «Знамя коммунизма», «Большевикла колхозшăн» и др. (VII).

социальный состав населения и его занятия, однако большая часть данных по многим регионам страны была утрачена (см. [12]). В связи с этим документы Статуправления ЧАССР приобретают особую значимость. Необходимо отметить, что соответствующий фонд ГИА ЧР не систематичен, так как в описях дел не всегда соблюдена четкая хронология. Часть документов, представляющая для нас большой интерес, в данный момент все еще засекречена, например, не удалось найти подробных сведений о количестве сельских учителей за отдельные годы войны. Тем не менее общее представление о социальном портрете сельского учительства можно составить, основываясь на имеющихся источниках в целом.

По рассекреченным данным Всесоюзной переписи населения 1937 года в ЧАССР проживал 1026101 человек (VIII, Ф. 1562. Оп. 329. Д. 199. Л. 92–94). Сельское население составляло 915614 человек, городское – 108344 человека (VIII, Ф. 1562. Оп. 329. Д. 142. Л. 27–28) (данные приведены без учета военно-служащих и членов НКВД). Подобное соотношение городского и сельского населения не только указывает на специфику Чувашии, но и косвенно свидетельствует об особой роли сельской интеллигенции в советском обществе того периода в целом. Общее количество учителей в СССР по данным переписи составляло 969428 человек (VIII, Ф. 1562. Оп. 329. Д. 281. Л. 17–19).

В ЧАССР в 1939 г. было 6489 сельских учителей (включая заведующих начальными школами, директоров неполных средних и средних школ, заведующих учебной частью) (V, Ф. 872. Оп. 11. Д. 1030. Л. 3), в 1941 г. – 6136 (V, Ф. 872. Оп. 11. Д. 1433. Л. 4), в 1942 г. – 6105 (подсчитано нами по (V, Ф. 872. Оп. 11. Д. 1630. Л. 15)), в 1944 г. – 7066 (V, Ф. 872. Оп. 17 а. Д. 6. Л. 7). Следует учитывать, что общее количество сельских учителей установлено на основании отчетной информации, которую предоставляло руководство школ. В то время передача сведений была не столь строгой и точной, как сейчас, и в объяснительных записках к отчетам указывается, что некоторые школы подавали не всю информацию. Кроме того, необходимо иметь в виду особенности использования отчетных документов в качестве исторического источника (например, наличие лишь скупой информации в цифрах, также следует учитывать идеологическое влияние и государственный контроль в советское время, стремление руководства школ соответствовать заданным вышестоящими органами критериям и т. д.). Анализируя приведенные выше данные, можно сделать вывод о некотором уменьшении количества сельских учителей в начальный период войны. Однако это сокращение было не столь значительным, чтобы затормозить реализацию программы всеобщего обучения.

Учитывая степень достоверности и точности сведений о количестве учителей, можно дать общую характеристику данной социальной общности. Большую часть контингента сельских учителей составляли женщины, исключением были лишь преподаватели физкультуры и военного дела. Такой половой состав учительской интеллигенции не является особенностью военного времени и напрямую не связан с тем, что большинство мужчин были призваны в ряды действующей армии. В то же время на должность директора учебного заведения в основном назначали мужчин. Так, по данным списка неполных средних и средних школ на 21 марта 1942 г. из примерно ста директоров женщин было всего 18

(V, Ф. 1041. Оп. 1. Д. 598. Л. 16). В целом военное время, характеризующееся уходом большинства мужчин на фронт, не повлекло за собой значительного изменения полового состава сельского учительства.

В период войны острой проблемой становится нехватка педагогов. Сотни сельских учителей Чувашии были призваны в армию или ушли на фронт добровольцами. Выпускники педагогических учебных заведений не могли в должной мере восполнить поредевший учительский состав, кроме того, многие из них также уходили в действующую армию. Недостаток учителей правительство пыталось компенсировать различными путями. Например, в начале 1942/43 учебного года в республике требовалось 6415 педагогов, включая заведующих школами, директоров и завучей. В действительности же было всего 6035 преподавателей, причем 165 из них окончили только среднюю школу, а 32 являлись эвакуированными учителями. Таким образом, требовалось еще 380 человек. Для решения этой проблемы Наркомат просвещения предлагал привлечь к работе в средних учебных заведениях 112 выпускников, окончивших среднюю школу, 192 эвакуированных учителя и 76 возвращенных на учительскую работу педагогов, работавших не по специальности (V, Ф. 203. Оп. 19. Д. 405. Л. 227). В памяти современников событий военных лет сохранился устойчивый образ выпускника школы в роли учителя. Например, жительница деревни Старый Сундырь Комсомольского района К.П. Абукина вспоминает школьные годы так: «вообще учителей не хватало, нас учили школьники после десятого класса» [11, с. 6].

Система подготовки педагогических кадров была хорошо налажена, для этого в Чувашии существовали специальные образовательные учреждения. Однако требовалось подготовить большое количество педагогов в короткие сроки, поэтому будущие преподаватели старались как можно скорее получить среднее специальное образование и приступить к работе. Одной из альтернативных форм обучения стали двух- и трехгодичные учительские институты. Понятно, что при таком положении дел качество образования оставляло желать лучшего. Уровень образования сельских учителей являлся сравнительно невысоким, однако в данный период и не могло быть иначе. Например, по статистическим данным за 1942 г. лишь 5,8% сельских учителей имели высшее законченное образование, они в основном работали в 8–10 классах (V, Ф. 872. Оп. 11. Д. 1630. Л. 15). Однако, несмотря на такой невысокий показатель уровня образования, учительство выделялось среди других групп интеллигенции. Например, в 1941 г. специалистов с высшим образованием в ЧАССР было всего 2,1 тыс. человек, из которых именно учителя и работники культурно-просветительских учреждений составляли самую многочисленную группу – 0,7 тыс. чел. (II, с. 94), то есть около 30%. Таким образом, уровень образования сельского учительства ЧАССР в годы Великой Отечественной войны следует оценивать в соответствии с реалиями того времени. Увеличился существовавший и до этого дефицит педагогических кадров, учебные заведения сокращали программу обучения, что, несомненно, сказывалось на качестве образования. Необходимо также учитывать, что в сельской местности количество специалистов с высшим образованием всегда было значительно меньше, чем в городах.

Из общего количества сельских учителей только 5% имели педагогический стаж более 25 лет (V, Ф. 872. Оп. 11. Д. 1630. Л. 15). Это были те, кто получил

образование и воспитание и начал работу еще в дореволюционное время. Кроме того, можно предположить, что к этой группе по многим характеристикам близка часть учительства со стажем от 10 до 25 лет. Совместная работа учителей с большим стажем преподавательской деятельности и молодых педагогов позволяет говорить о преемственности традиций в развитии сельской учительской интеллигенции. По всей видимости, часть ее лояльно отнеслась к установлению новой власти и продолжила работу в школе нового советского образца. Такие учителя имеются в группах с любым уровнем образования. Однако большинство учителей (68%) имело стаж работы менее 5 лет. Это говорит о том, что в результате сталинской модернизации общества к началу войны сельская педагогическая интеллигенция уже была в сущности новой, советской. Эти учителя получили образование и воспитание уже при недавно созданной социалистической системе образования и теперь должны были стать ее идейными продолжателями. Столь большое количество молодых работников в образовании объясняется, на наш взгляд, комплексом причин. Во-первых, государственная образовательная политика начала 30-х годов XX в. была направлена на резкое увеличение количества школ. Большая часть советских учителей со стажем работы менее 5 лет закончила школу в период с 1936 г. по 1941 г., что является отражением результатов реформы образования. Второй важной причиной наличия большого числа молодых учителей являлось существование распределительной системы, при которой получивший педагогическое образование выпускник принудительно направлялся на работу туда, где была необходимость в кадрах. Учитель должен был отработать по распределению определенное количество времени, в течение которого он не мог сменить места работы. Такая система была весьма эффективным механизмом государственной образовательной политики, позволявшим решать кадровую проблему в первую очередь в сельской местности (V, Ф. 872. Оп. 11. Д. 1630. Л. 15).

Что касается такой характеристики, как партийность, то, по данным Чувашской областной организации КПСС, среди учителей было гораздо больше членов партии, чем среди представителей других групп интеллигенции. В силу специфики своей деятельности педагоги наряду с партийными работниками играли роль движущей силы в процессе модернизации государства, поскольку они непосредственно участвовали в воспитании подрастающего поколения, а сама преподавательская работа имела ряд общих черт с агитационной и пропагандистской деятельностью. В связи с этим учителя активно привлекались к партийной работе. Так, в 1940 г. из общего количества коммунистов с высшим образованием учителя составляли 40.8%, среди коммунистов со средним специальным образованием – 47.9%. Подобное положение сохранялось и на протяжении последующих лет советской власти вплоть до 60-х годов XX в. (см. (IX, с. 33)). Следует принимать во внимание и относительную малочисленность партийных рядов. По данным Статуправления ЧАССР, в 1942 г. из 6105 сельских учителей лишь 238 являлись членами ВКП(б) или кандидатами в члены ВКП(б), причем большую часть – 128 человек – составляли директора, заведующие школами и заведующие учебной частью (V, Ф. 872. Оп. 11. Д. 1630. Л. 15). При этом не стоит полагать, что руководство школ вступало в партию активнее, чем рядовые учителя – из 1395 директоров, заведующих школами и заведующих учебной частью

к партии имели отношение, как уже было отмечено, лишь 128 человек. Одной из причин такого положения дел, на наш взгляд, являлись особенности возрастного состава сельского учительства. Так, в том же году из 6105 сельских учителей 1805 человек состояли во Всесоюзном ленинском коммунистическом союзе молодежи (ВЛКСМ), 347 из них – директора, заведующие школами и заведующие учебной частью. В 40-х годах XX в. партийность еще не стала массовым явлением, и в этом плане Чувашская АССР находилась в русле общих тенденций. В целом лишь 33.5% сельских учителей были членами или кандидатами в члены ВКП(б) и ВЛКСМ. Тем не менее следует указать на то, что в годы войны наметилась общая тенденция роста численности партийных и комсомольских рядов. Принадлежность к партии открывала дополнительные карьерные перспективы, поэтому представители интеллигенции стремились к приобретению нового статуса. Нельзя отрицать также и тот факт, что у учителей существовали особые идейные устремления, которые в годы войны могли быть следствием эмоциональной реакции на происходившие события и желания более активно участвовать в жизни общества.

Таким образом, сельское учительство следует отнести к наиболее многочисленной и социально активной группе интеллигенции Чувашской АССР в 1941–1945 гг. Значимость периода войны для системы образования СССР состоит в том, что именно это время во многом определило традиции советской школы и особенности формирования сельской педагогической интеллигенции. В большинстве своем это были молодые, только начинающие педагоги, становление которых происходило в условиях сталинской модернизации системы образования в 30-е годы XX в. Они составили основу военного и первого послевоенного поколений учителей сельской школы Чувашии. Своевременные правительственные меры позволили поддерживать численность учителей сельской школы в период войны на необходимом уровне. Сельское учительство являлось опорой советского руководства в проведении образовательной и воспитательной политики в один из самых тяжелых периодов в истории нашей страны. Поскольку среди членов партии было значительное количество учителей, последние имели возможность влиять на процесс модернизации советского общества. Война повлекла за собой изменение функций интеллигенции. Определяющим мотивом деятельности сельских учителей стало использование своих возможностей для мобилизации ресурсов тыла.

Summary

M.A. Shirokova. Social and Party Status of Rural Teachers in the Chuvash ASSR during the Great Patriotic War.

The article deals with the problem of studying rural teachers in the Chuvash ASSR during the Great Patriotic War. It gives a review of archive sources and scientific literature on this subject, analyses such characteristics of pedagogical personnel as number, gender, age, education level, employment period, and party status.

Key words: rural teachers, Chuvashia's home front, Great Patriotic War, Chuvash ASSR.

Источники

- I. Чувашия за 50 лет советской власти в цифрах: Стат. сб. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1967. – 104 с.
- II. Чувашия за 50 лет: Стат. сб. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. – 132 с.
- III. Чувашия за 40 лет в цифрах: Стат. сб. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1960. – 195 с.
- IV. Чувашия за 70 лет советской власти (в цифрах): Стат. сб. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. – 199 с.
- V. ГИА ЧР (Государственный исторический архив Чувашской Республики):
 - Ф. 872 (Статистическое управление Чувашской АССР).
 - Ф. 203 (Совет министров Чувашской АССР).
 - Ф. 221 (Министерство просвещения Чувашской АССР).
 - Ф. 1041 (Президиум Верховного Совета Чувашской АССР).
 - Ф. 1599 (Ибресинский районный отдел народного образования).
 - Ф. 2240 (Ишлейский районный отдел народного образования).
 - Ф. 2027 (Козловский районный отдел народного образования).
 - Ф. 2089 (Красночетайский районный отдел народного образования).
 - Ф. 2030 (Первомайский районный отдел народного образования).
 - Ф. 2164 (Советский районный отдел народного образования).
 - Ф. 645 (Сундырский районный отдел народного образования).
 - Ф. 1902 (Урмарский районный отдел народного образования).
 - Ф. 2161 (Яльчикский районный отдел народного образования).
- VI. ГАСИ ЧР (Государственный архив современной истории Чувашской Республики):
 - Ф. 1 (Чувашский республиканский комитет КП РСФСР (Реском)).
 - Ф. 2727/1531 (Чувашская республиканская организация профсоюза работников народного образования и науки РФ).
- VII. ГАП ЧР (Государственный архив печати Чувашской Республики).
- VIII. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 1562 (Центральное статистическое управление (ЦСУ) при Совете Министров СССР).
- IX. Чувашская областная организация КПСС за 60 лет (цифры и факты). – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. – 80 с.

Литература

1. Степанова А.С. О том, что помню, и о тех, кого люблю: воспоминания сельской учительницы. – Чебоксары: Нов. время, 2008. – 176 с.
2. Судьбы людские в судьбе России: воспоминания о Великой Отечественной войне и послевоенных годах (народные мемуары). – Чебоксары: Изд-во Л.А. Наумова, 2010. – Вып. 1. – 108 с.
3. Иванов Н.И. Народное образование // Чувашская АССР к 40-летию советской власти. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. – С. 127–149.
4. Ефимов Е.Л. Педагогическая интеллигенция Чувашии в 1917–1941 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2006. – 22 с.
5. Ефимов Л.А., Сергеев Т.С. Общеобразовательные учреждения Чувашии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Чебоксары: Изд-во ЧГПУ, 1998. – 58 с.

6. *Тимофеев В.В.* Советский тыл в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы (на материалах республик Волго-Вятского экономического региона). – Чебоксары: КЛИО, 2005. – 112 с.
7. *Степанов Н.С.* Очерк истории чувашской советской школы. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. – 232 с.
8. *Ефимов Л.А.* Школьное образование в Чувашии в 1920–2000 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Чебоксары, 2004. – 43 с.
9. *Ефимов Л.А.* Формирование и развитие педагогической интеллигенции Чувашии в конце XIX – XX вв. – Чебоксары: ЧГПИ, 2002. – 181 с.
10. *Ефимов Л.А., Сергеев Т.С.* На пути к всеобщей грамотности населения Чувашии (1917–1941 гг.). – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2003. – 172 с.
11. *Ефимов Л.А.* Школы Чувашского края в XIX – XX вв. – М.: РИЦ «Альфа», 2003. – 536 с.
12. *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «секретно»: все-союзная перепись населения 1937 года. – М.: Наука, 1996. – 152 с.

Поступила в редакцию
22.11.10

Широкова Марина Александровна – старший преподаватель кафедры истории и культуры зарубежных стран Чувашского государственного университета.
E-mail: mlemaeva@mail.ru